

Знаменитая скрипачка Лиана Исакадзе, ученица Давида Ойстраха и художественный руководитель грузинского камерного оркестра, дала в Петербурге два концерта вместе с пианистом Владимиром Мищуком. Попутно Лиана успела записать CD на «Мелодии» и договориться с Филармонией о проведении осенью 2003 года международного скрипичного конкурса, который будет носить ее имя. После концерта с Лианой Исакадзе встретилась Гюляра Садых-заде.

В Петербурге существует конкурс Прокофьева, на котором состязаются дирижеры, пианисты и композиторы; два вокальных конкурса — имени Образцовой и имени Римского-Корсакова. А скрипичного конкурса до сих пор не было. Откуда возникла идея его создания?
Собственно, с идеей организации нового конкурса я носилась давно. Несколько лет назад я уже совсем было собралась открыть конкурс в Германии и назвать его в честь моего педагога Давида Федоровича Ойстраха. Фирма Audi, с которой я давно поддерживаю партнерские отношения, согласилась спонсировать мероприятие. Но тут обнаружилось, что сын Ойстраха, Игорь, уже проводит такой конкурс имени своего отца. Называть конкурс собственным именем мне не хотелось, это нескромно. И на время идея заглохла.

Однако в Петербурге конкурс назовут вашим именем?

Да, но здесь предложение исходило не от меня. Организацию конкурса взяло на себя агентство «Интрада», которое сумело привлечь японский капитал. Я же приглашена в качестве идеолога и художественного руководителя. Уже составлена программа, в которой запечатлены требования и концепция конкурса. Она проста: я хочу, чтобы конкурсные выступления были максимально приближены к реальной концертной практике. А это означает: никаких облегченных переложений для рояля и скрипки, никаких учебных этюдов, Каприсов Паганини, которые сейчас играет каждый школьник и которые всем безумно надоели. Если участник играет концерт Моцарта, он должен сыграть его, как задумано автором, с камерным оркестром, а не под рояль. Конечно, нужно показать владение различными стилями — но не на этюдах же! Потому в первом туре все, как и положено, будут играть Баха, это самое трудное. И бетховенские сонаты. А в качестве виртуозного сочинения — какую-нибудь большую романтическую пьесу, в которой можно и технику продемонстрировать, и музыкальность свою показать.

Второй тур будет посвящен концертам Моцарта с камерным оркестром. Кто хочет, может одновременно этим оркестром тут же и продирижировать. А в третьем участнику выступит с симфоническим оркестром. Таким образом, скрипач сможет показаться жюри во всех вариантах, которые встретятся в его концертной жизни.

Каков призовой фонд конкурса?

Вполне приличный. Первая премия — десять тысяч долларов, вторая — пять тысяч, третья — две с половиной тысячи. Конкурс будет проводиться раз в три года, в ноябре. Я уже знаю многих, кто собирается в будущем году приехать на него. Своих учеников пришлет, наверное, Максим Венгеров, он сейчас преподает в Саарбрюккене. И жюри соберется представительное: Захар Брон, Владимир Овчарек, Пикайзен. Думаю, конкурс будет пользоваться успехом. Многие привлекут сам город. Других — литературная публика, чрезвычайно отзывчивая. Третьих заинтересует нетривиальная программа, без этюдов и дурацких Каприсов.

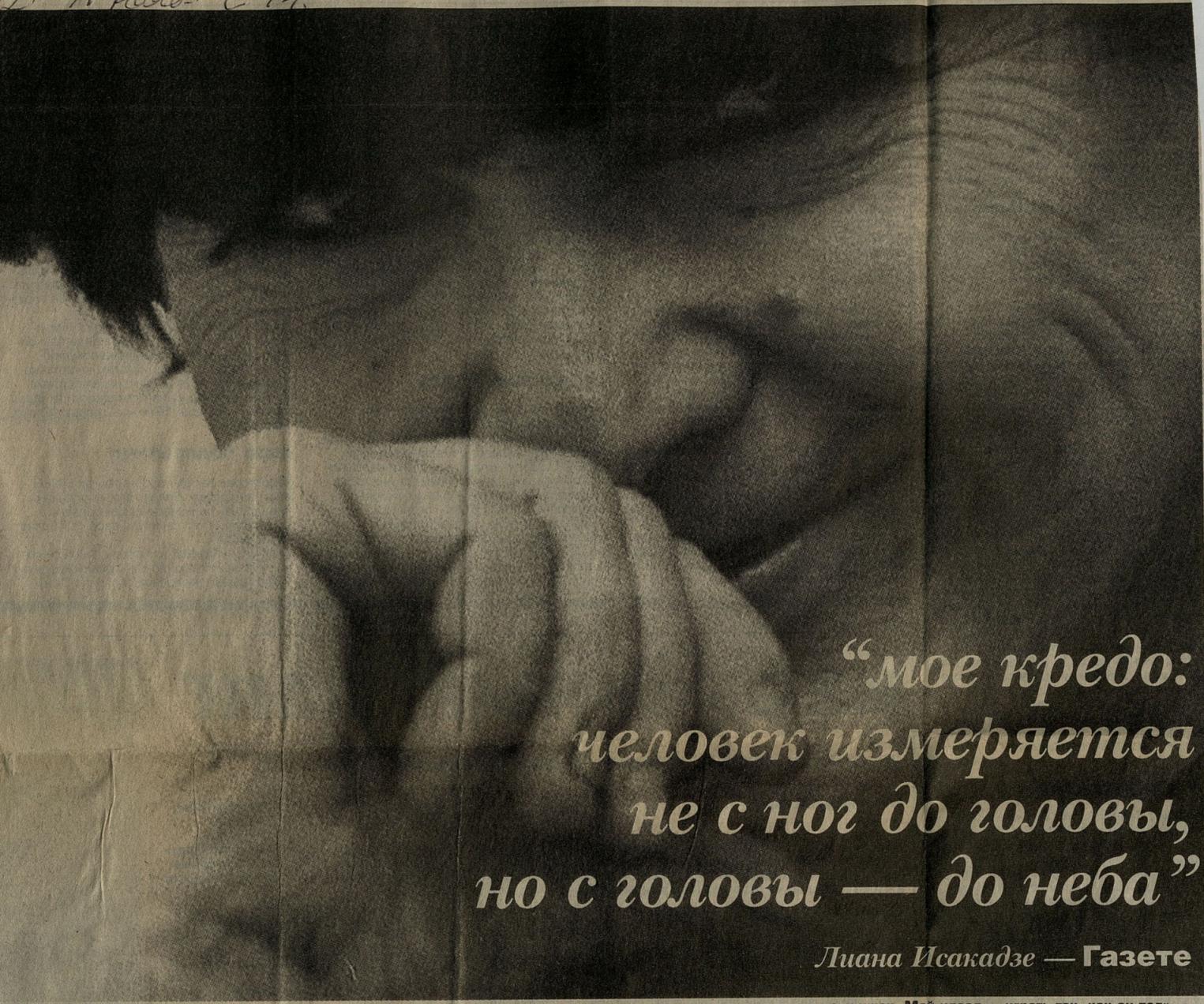
Вы открыли под Мюнхеном академию. Преподаете ли вы в ней?

Нет, сама я нигде не преподаю, на это нет времени. Иногда я прохожу мастер-курсы, на которые приезжают способные ребята, в том числе и из России, из Москвы например. Но академия в Ингольштадте — это небольшой городок возле Мюнхена — я открыла не для себя, а для того чтобы обеспечить дополнительную работой концертмейстеров моего оркестра и моего брата, профессора. В сущности, академия — это музыкальная школа, там учатся дети. Статуса Hof-schule, высшей школы, нам добиться не удалось. И потому я отобрала у академии имя Давида Ойстраха, изначально ей присвоенное. Не могла же я допустить, чтобы имя великого скрипача красовалось на вывеске обычной провинциальной школы!

В Баварии сейчас положение тяжелое: музыкальные школы закрываются одна за другой. Это связано с тяжелой политической и финансовой ситуацией. Страна переживает экономический спад; из западной части страны миллиарды перекачивают в экономику Восточной Германии, чтобы поднять ее до уровня ФРГ. И на это уходит все силы и ресурсы Германии. Потом, в какой-то степени там после победы социалистической партии наступил социализм. Поэтому многие предприниматели, и крупные, и мелкие, уводят свои капиталы и предприятия из страны — слишком высоки там налоги.

Вы живете в Мюнхене постоянно?

Да, главный мой дом там. Это означает, что свои налоги я плачу в Германии и Германия является страной моего постоянного проживания. Второй мой дом находится на Лазурном берегу, недалеко от Канн и Ниццы, в городе Грассе. Чудесный французский городок, в свое время там жили Бунин, Мережковский. Места вокруг Грасса благословенные, просто какая-то неописуемая красота... Впрочем, мне не так уж много времени удается проводить дома, я часто гастролирую. В последние годы, правда, я снизила интенсивность гастролей, стала уставать и с трудом переношу длительные поездки. Но в Питер я приехала как раз после довольно длинного турне по российской провинции. Тридцать лет я не бывала в таких городах, как Омск, Пермь, Курган, Екатеринбург. В каждом из них я играла концерты с местными оркестрами. Это были невероятные переживания. Я и не предполагала, что публика еще помнит меня спустя столько лет. Я вышла на сцену, и весь зал начал скандировать мое имя. Они помнили!

“мое кредо: человек измеряется не с ног до головы, но с головы — до неба”

Лиана Исакадзе — Газете

Лиана Исакадзе: «Отец и мама были очень музыкальными. Мой папа пел так, что его голос всю жизнь звучит в моих ушах. Мой идеал — играть так, как он пел»

Фотограф: Михаил Разуваев/Газета

А как протекает филармоническая жизнь в Тбилиси?

Очень оживленно. В Тбилиси проходят крупные международные фестивали. Например, в декабре уже десять лет проводится фестиваль искусств в Большом зале Консерватории. Я бываю там примерно два раза в году.

Недавно Элисо Вирсаладзе рассказывала, что зимой филармоническая жизнь в Тбилиси замирает: нет света, тепла...

Что вы! Как раз зимой все концерты и проходят. Залы битком забиты. А что касается света, то ничего подобного я не замечала. А я довольно часто играю в Тбилиси, на так называемых «клубных вечерах». Как-то 30 декабря играли с моим оркестром в Опере, хотели там бал провести, наподобие Венского. И меня предупредили: «Да, свет могут отключать, но вы не беспокойтесь, у нас есть свое автономное освещение, на аккумуляторах».

В Мюнхене, похоже, собралась российская музыкальная элита. Там постоянно живут Родион Щедрин, джазовый пианист и композитор Леонид Чижик, часто наезжает Элисо Вирсаладзе, с 2003 года там будет работать Марис Янсонс... Почему наши музыканты для жизни и работы выбирают именно Мюнхен?
В Мюнхене, думаю, все бы хотели жить, но не всем представляется такая возможность. Дело в том, что Мюнхен — это особый город, столица Баварии. Традиционно Мюнхен считается культурным центром всей Германии...

Не Берлин, не Гамбург, но Мюнхен?

Да, так считается. А Бавария — это самый благополучный регион Германии. И жизнь там очень дорогая. Не каждый может позволить себе жить там. Бавария ревниво охраняет свои земли и привилегии, посторонним на постоянное жительство туда пускают неохотно. В основном все приезжие попадают на север — в Ганновер, в Гамбург. Туда, где сильные позиции социалистических партий. В Баварии же находится центр консервативных сил, у власти — президент Баварской республики Штойбер, тот, что недавно проиграл выборы. Кроме того, Бавария — это юг Германии. Там тепло, рядом Италия, Вена, до Альп можно доехать за какой-нибудь час. И потом, это известнейший пивной край, там процветает индустрия пивного туризма. На знаменитый Октоберфест, пивной фестиваль, съезжаются со всего света миллионы людей. Это надо видеть, что делается в Мюнхене в дни Октоберфеста! Праздник длится две недели, и все с утра до ночи гуляют в национальных костюмах, пьют пиво, везде работают аттракционы. Обстановка самая демократичная: за столами попеременно сидят и крестьяне, и аристократы, выкатываются бочки с пивом и мгновенно осушаются.

Вы часто концертуете в Мюнхене?

За последние четыре года я не провела там ни одного концерта. Но до того мы с моим оркестром выступали в Мюнхене постоянно, три-четыре раза за сезон.

Это тот самый грузинский оркестр, который вы вывели в полном составе в Ингольштадт в начале девяностых?

Да, работала с ним в Германии семь лет. Но три года назад мне пришлось его оставить. Не на улице, конечно: я основала для них общество с ограниченной ответственностью, договорилась с городской администрацией Ингольштадта о присвоении коллективу статуса городского оркестра. Но, конечно, теперь оркестр живет самостоятельно, без меня, и должен научиться сам зарабатывать.

Пока я держала оркестр, они заключали контракт непосредственно со мной. Семь лет я официально считалась их работодателем. Эти семь лет дались мне нелегко: приходилось самой рассчитывать и выдавать зарплату, организовывать концерты, вести счета, договариваться об автобусах, гостиницах, авиаперевозках...

Неужели нельзя было нанять менеджера?

Тогда не хватило бы денег на зарплату оркестрантам. Работа менеджера стоит дорого, так что груз административных обязанностей приходилось нести мне одной. В оркестре никто, кроме меня, не говорил по-немецки. Мне приходилось договариваться о наименее дорогих государственных квартирах, о школах для детей, решать их бытовые проблемы. Я чуть с ума не сошла от этого! И в конце концов поняла, что больше такую жизнь выносить не в силах.

Когда в Грузии узнали, что я оставила оркестр, они приняли решение о его реорганизации. В конце концов изначально это был Грузинский государственный оркестр, и логично, чтобы он работал в Грузии, а не в Германии. Объявили конкурс на замещение вакантных мест. В нем предложили участвовать и прежнему составу, но музыканты, оставшиеся в Германии, отказались. Они уже закрепились там и не хотели уезжать.

Может, это и к лучшему; в обновленный грузинский оркестр пришли молодые музыканты, очень способные. И мне предложили возглавить оркестр. Я вернулась туда в качестве художественного руководителя, но главным дирижером назначила Георгия Жордания, он будет вести повседневную работу с оркестром.

Мы уже ездили с оркестром на гастроли и в Европу, и в Азию. Прodelали с ним уникальное паломничество из Европы в Иерусалим на смене тысячелетий и всюду давали концерты.

Это было фантастическое путешествие: нас принимали патриархи греческой и грузинской церквей, Папа Римский — и все нас благословляли. Мы проехали по дороге, ведущей из Грузии в Иерусалим, через Германию и Италию, и останавливались в тех городах, куда первые апостолы несли весть о христианстве. И последний концерт, перед православной Пасхой, играли в Иерусалиме.

Много ли концертов в году приходится играть?

Сейчас я выступаю примерно пятьдесят раз в году. Меня ведет гамбургский менеджер Ханеманн, и менять его на менеджеров из крупных фирм я не собираюсь. Дело в том, что, работая с человеком, я привыкаю к нему и между нами возникают некие человеческие отношения и обязательства, которыми я не могу пренебречь. Я не могу просто оставить своего менеджера и уйти к другому.

Как вы попали в Москву, в класс Ойстраха?

Я приехала в Москву в шестнадцать лет и была принята без экзаменов в консерваторию. Я в Москву я попала потому, что меня просто вытребовали из Тбилиси. Давид Федорович впервые услышал мою игру, когда мне было десять лет. Я была, как говорят, вундеркиндом, и потому мне разрешили в виде исключения сыграть на «взрослом» конкурсе-фестивале, который проходил в Грузии. Председателем жюри был Ойстрах.

Спусти четыре года мне, опять в виде исключения, разрешили играть на Всесоюзном конкурсе музыкантов-исполнителей: нижняя возрастная планка там была семнадцать лет, мне было четырнадцать. Думали, я отыграю первый тур и сплечу с дистанции. Но я прошла все три тура и заняла второе

место. Хотели было дать первое, но это бы выглядело совсем уж неприлично.

У кого вы учились в Тбилиси?

У профессора Шиукашвили, в музыкальной школе-десятилетке. Мои родители не были музыкантами; только брат, старше меня на десять лет, он изумительный виолончелист. Отец и мама были очень музыкальными. Мой папа пел так, что его голос всю жизнь звучит в моих ушах. Мой идеал — играть так, как он пел. Это был гениальный человек, физик, в Москве, где он учился, его называли Ньютоном XX века. Это был особенный человек; когда-нибудь я напишу о нем книгу.

Мне пришлось закончить десятилетку на год раньше, я сдала выпускные экзамены, но к вступительным в Москву уже не успевала. И тогда из Москвы сказали: да не нужны нам ее вступительные экзамены, нам она сама нужна! И я поехала прямо к началу учебного года, к сентябрю. И слава Богу, что не пришлось сдавать экзамены в консерваторию. Я бы их не сдала, потому что русский знала плохо и не могла бы отвечать на русском языке. Я же все-таки в грузинской школе училась — и писала, и говорила по-грузински. Да и по общеобразовательным предметам дела у меня обстояли неважно, я была не очень прилежной ученицей, больше на специальность налегала.

Кто учился в классе Ойстраха вместе с вами?

В те годы в Московской консерватории учились блестящее поколение скрипачей: Олег Каган, Олег Крыса, Гидон Кремер, Таня Гринденко, Володя Спиваков. Все мы примерно одного возраста и дружим до сих пор.

Чем вы объясните, что примерно в одно время появились плеяда таких ярких персон? В наше время ничего подобного не наблюдается.

Если рассуждать логически, были социальные причины, обусловившие взлет исполнительства. Мы жили в другое время, при другой власти. При советской власти практически не возникало материальных соблазнов. У музыкантов не было других интересов, кроме профессиональных, и никаких ценностей, кроме духовных. Главным для нас было достичь совершенства в своей профессии. Все были фанатиками, все занимались до одури, и у всех был тот необходимый минимум денег, который позволял не умереть с голоду.

Тогда музыканты еще не продавали свою душу ради денег и не поступались своими музыкантскими идеалами. Поэтому наша культура в те годы вышла на первое место в мире и наши музыканты считались самыми сильными.

Потом изменились условия жизни, изменился социальный строй и изменились базовые ценности, на которые ориентируются музыканты. Я уверена, что талантов меньше не стало, но сфера их выявления и применения сузилась. Теперь народ думает о выживании, о том, как прокормить семью. Они не отдают детей в музыкальные школы, они идут на улицу, торгуют, занимаются спекуляцией.

Когда не было материальных стимулов и все знали, что будут жить чуть-чуть хуже или лучше, но, в общем, примерно одинаково, люди жили только ради самосовершенствования и любимого дела. Да, мы ездили по свету и знали, что такое шик, но не придавали этому такого большого значения.

Получается, что в тоталитарном обществе давление на личность стимулировало профессиональный рост и духовные поиски?

Я тоже раньше так думала. Но, пожив на Западе, я думаю теперь иначе. Теперь

я говорю: образец настоящего тоталитарного общества мы находим не в России, а на Западе. Особенно же ярко это проявляется в Америке. Прошу прощения, если мое высказывание покажется кому-то политически некорректным.

Если мы считаем тоталитарной системой ту, что стремится всех уравнивать и уравнивать, причислять под одну гребенку, унифицировать мысли и чувства; если система, как чума, боится, как бы люди не начали всерьез задумываться о смысле жизни, критиковать установления системы, говорить о правде, — то это и есть система западного общества. Для нее губительны и опасны размышления: ведь человек может прийти к таким выводам, которые никак не устроят власть имущих. Они изо всех сил стремятся сохранить стабильность общества, но за счет чего? За счет всеобщего оглушения.

По всем каналам телевидения постоянно передают отупляющий ритмизованный шум, который они называют «музыкой». Этот шум отключает мозги. Никто из потребителей такой «музыки» не пойдет на академический концерт, чтобы вспомнить о каких-то высоких материях, остановиться, задуматься. Нет, они пойдут на дискотеки, в клубы, чтобы отдохнуть и расслабиться после работы, обалдеть от дестабелов и потом рухнуть оглушенными в постель и заснуть, как животные. Утром они проснутся и пойдут на работу. И никто не заинтересован в том, чтобы было иначе.

Думающих людей становится все меньше. В Европе элита еще сохраняет кое-какие традиции, но в Америке с этим положением истинно катастрофическое.

Конечно, плохое всегда выглядит более привлекательно в глазах слабых людей. Упрощенное легче воспринимается. А люди теперь не любят сложности; добывание денег морально изматывает их. Они не хотят вникать в сложности философии, они ждут простоты и ясности от мира: это хорошо, а это плохо, это белое — это черное. Но такая простота опасна: мир не поддается однозначному определению, он многомерен и противоречив и состоит из тонких различий, градаций, пограничных состояний.

Вследствие упрощенного подхода к сложным проблемам времени возникают войны, конфликты, терроризм. Масса денег уходит на ведение войн, на устранение их последствий, многие наживаются на этом. В общем, в мире нет больше Бога. И не то чтобы его совсем не было. Но живет он только в редкостных, исключительных личностях. И я чувствую, что кризис нашего обезбоженного мира очень скоро приведет человечество к грани, за которой — страшный обрыв. Но я верю, что после того, как мир неизбежно сорвется в эту пропасть, наступит просветление и большой духовный подъем. Приметы этого будущего я уже сейчас вижу в некоторых молодых людях.

На ваш взгляд, движение антиглобалистов и есть выражение этой позитивной тенденции?

На Западе существует масса интересных и правильных общественных движений; их идеология основана на свержении этих довлеющих материальных богов. Но, с другой стороны, люди интеллигентные, духовно продвинутые, обычно не склонны к совершению революций. И мир неизбежно падает в руки людей, которые способны на активное, материально ориентированное действие; которые имеют, как писал Ницше, волю к власти. В этом — настояживающий парадокс развития человечества. Что касается меня, то в своей жизни стараюсь руководствоваться словами Конфуция: «Человек измеряется не с ног до головы, но с головы — до неба». Это мое жизненное кредо.